

Л.В. Сидоренко

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ВНУТРЕННЕГО РАЗВИТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Международные отношения в Европе первой четверти XVIII в. ознаменовались двумя большими военными конфликтами – войнами за испанское наследство и Великой Северной. Англия как одна из ведущих держав принимала активное участие в этих войнах: прямое – в борьбе с Францией и дипломатическое – в конфликте на Балтике. Во внутренней жизни королевства происходили не менее бурные события, оказывающие существенное влияние на внешнеполитическую деятельность.

Цель данной статьи выявить зависимость внешнеполитического курса Великобритании в конфликте на Балтике от внутривнутриполитической ситуации в стране и раскрыть степень и формы вовлеченности королевства в эту войну. Отсюда необходимость рассмотреть династический кризис и пути его разрешения в контексте событий, связанных с приглашением в 1714 г. на трон Ганноверской династии в лице курфюрста Георга с его территориальными притязаниями в северной Германии, борьбы группировок вигов и тори по вопросу о престолонаследии, раскола и фракционной борьбы самих вигов.

Смена династии на английском троне в 1714 г. была одним из важнейших событий XVIII в. в истории Великобритании, изменившим как внутреннюю, так и внешнюю политику. Ей предшествовали следующие обстоятельства. Из-за бездетности брака Вильгельма III и смерти в 1700 г. последнего ребенка Анны, наследницы трона, к началу XVIII в. стране грозил серьезный династический кризис, усугубившийся тем, что самым вероятным наследником Анны по династическим правилам становился католик – претендент Яков-Эдуард. Желая предотвратить кризис и положить конец католическим притязаниям на протестантский престол, английские государственные деятели в острых дебатах, рассмотрев более 50 кандидатов на трон, приняли в 1701 г. «Акт о престолонаследии», по которому единственным законным монархом после Анны становилась внучка Якова I София, жена Курфюрста Ганновера, со своим нисходящим потомством. Из-за ограничений деятельности будущего монарха (особенно в сфере внешней политики), выдвинутых торийским большинством, серьезно озабоченным иноземным происхождением новой династии, и имея пример Вильгельма III¹, этот документ вошел в историю и как «Акт дальнейшего ограничения короны и лучшего сохранения свобод подданных».

Важнейшими его положениями были несменяемость судей королем и запрет монарху помиловать лицо, которому предъявлены обвинения в парламенте. Кроме того, предусматривалось, что если корона переходила к «любому лицу, не рожденному в королевстве Англия, эта нация не обязана быть вовлеченной в войну для защиты любых владений или территорий, которые не принадлежат короне Англии, без согласия на то парламента». Указывалось, что «ни одно лицо, которое получит в обладание эту корону, не может покидать владения Англии, Шотландии или Ирландии без согласия парламента». Другой пункт акта лишал возможности даже натурализованных иностранцев занимать важные государственные должности в Тайном Совете, парламенте, правительстве, армии, на местах и запрещал

королевские пожалования им в виде земли и в иных формах². «Акт о престолонаследии» был одним из важнейших документов в английской истории, определившим развитие королевства на века. В контексте исторических событий рубежа столетий акт фактически являлся новым изданием «Билля о правах», ограничивая не конкретных монархов на троне, а став мерой ограничения монархии как таковой³.

До 1710 г., пока у власти в правительстве были виги, а состояние здоровья королевы Анны не вызывало опасений, судьба Ганноверской династии находилась в безопасности. Однако с образованием министерства тори ситуация изменилась. Теперь виги понимали, что воцарение новой династии находится под угрозой⁴. В ходе разразившейся политической борьбы тори сместили с поста популярного Мальборо, а вигского лидера Роберта Уолпола заключили в Тауэр. Но существование «ганноверских тори» во главе с Харлеем, понимавшим опасность якобизма, существенно разобщало и ослабляло весь торийский лагерь в борьбе за свои интересы. Кроме того, для тори теперь стало невозможно поддерживать Ганновер, не потеряв должностей, равно как и поддерживать Стюартов, не отрекаясь от Англиканской церкви⁵. 30 июля 1714 г. у Анны начался последний приступ ее болезни, а 1 августа она умерла. Этих дней вигам было достаточно для занятия всех ключевых постов в стране и объявления Георга, сына Софии, королем. Проживи Анна еще несколько недель или даже дней, вопрос о престолонаследии мог решиться и в пользу претендента: Болингброк уже обезвредил Харлея и был готов к дальнейшим действиям, но смерть королевы спутала планы. Однако очевидной победы якобитов в этом случае тоже не гарантировалось⁶. Таким образом, несмотря на активное противодействие, вигам сравнительно легко удалось защитить Ганноверскую династию в лице Георга I, с приходом которой в Англии началась новая эпоха.

Во внешней политике рубеж XVII–XVIII вв. характеризовался для Англии ожиданием войны с Францией. В этих условиях значение балтийских государств как потенциальных союзников Лондона резко возросло, что, однако, не касалось России. «Государственные деятели Англии могли полностью игнорировать Россию при формировании внешней политики и обращаться с ней с безразличием, едва ли допустимым даже в отношении наименьших государств Западной Европы»⁷. Швеция, обладая мощной армией, в перспективе надвигающейся войны за испанское наследство представляла большой интерес как для Лондона, так и для Парижа. Летом 1698 г., надеясь на возобновление традиционного военного союза, Франция заключает с ней договор. Еще в мае Англия и Голландия тоже заключили союз со Швецией, возобновив его 23 января 1700 г. Как показали дальнейшие события, этот договор в значительной степени имел антидатскую направленность. Возможная война Швеции с Россией могла лишить Англию и Голландию потенциальной помощи шведов, поэтому их послы интриговали в Константинополе против заключения мира Турции с Россией, но безуспешно⁸.

Нападение Дании на герцогство Гольштейн-Готторпское, которым правил муж сестры шведского короля, заставило Карла XII отреагировать блестящей десантной операцией, дипломатически обеспеченной молчаливым присутствием англо-голландского флота. Но после разгрома Дании и подписания 18 августа Травендальского датско-гольштинского договора Вильгельм III не был больше заинтересован в ее ослаблении и даже издал указ о недопущении в будущем шведских десантов и обстрелов датского флота и городов⁹. Однако мир не установился, так как Карл вынужден был заняться устранением угроз, исходивших от Петра I и Августа II, что вело к расширению Северной войны. С английской точки зрения этот конфликт «был нонсенс и потенциальным источником слабости» и должен

был быть завершён максимально быстро и безболезненно, чтобы Швеция освободилась для возможного использования против Людовика XIV. Существовали опасения, что эта война ослабит антифранцузскую коалицию, заставив выйти из нее немецкие государства для защиты своих территорий¹⁰. Англия и Голландия делали все возможное, чтобы склонить шведского короля к заключению общего мира в регионе, но вместо этого он «погрузился в великую войну»¹¹.

Надежда Англии и Голландии на Швецию как союзника все более не оправдывалась. Лишь к концу 1703 г. в этих странах убедились, что не было никакой возможности привлечь шведов на их сторону в войне или в крайнем случае убедить Карла XII сохранить возможность пополнения людских ресурсов в Саксонии¹². А в 1707 г., когда иллюзий относительно Швеции не осталось вовсе, деятельность английской дипломатии уже была направлена на предотвращение столкновения Карла XII с Австрией, угроза которого существовала даже некоторое время после поездки Мальборо в Альтранштадт¹³. Этот визит имел целью либо привлечь Карла XII на свою сторону, либо не допустить его участия в войне за испанское наследство, прямо или косвенно, на стороне противников Великобритании. Так Мальборо понял, что следующей целью Карла будет Россия¹⁴.

Англичане внимательно следили за ситуацией на Балтике в ходе Северной войны. Еще в сентябре 1700 г. Вильгельм III предлагал через английского посла в Гааге Стенхоупа посредничество для примирения России и Швеции, необходимое ввиду потенциального союза со Швецией. Успешные действия русских войск против шведов побудили Лондон в 1704 г. принять решение о посылке в Москву Чарльза Уитворта¹⁵. «Английское правительство, ведя войну с Францией на Западе Европы, по мере развертывания Северной войны было вынуждено уделять ей все более пристальное внимание». Ослабление участников Северной войны отвечало интересам Англии, проводившей политику равновесия сил в Европе. Поэтому, несмотря на договор 1700 г. со Швецией, никакой помощи ей оказано не было, как и России¹⁶. Будучи не в состоянии примирить враждующие стороны и присоединить их к борьбе с Францией, Англия «была заинтересована в затягивании войны между Россией и Швецией, ибо это обстоятельство обеспечивало ей благоприятные условия для достижения своих захватнических целей в войне за испанское наследство»¹⁷.

Полтава изменила представления англичан о России. Никто из дипломатов в Лондоне не мог предвидеть фатального разгрома Карла XII, а сложившаяся ситуация с точки зрения внешнеполитической доктрины была нежелательна. В Англии боялись окончательного крушения Швеции, русского доминирования на Балтике, отрыва части немецких государств от борьбы с Францией и за судьбу протестантизма в Германии. Усиление влияния России на Западе ставило вопрос о ее месте в европейской системе. При этом, ведя войну за испанское наследство, Великобритания не имела возможности принять эффективные меры для защиты Швеции. В результате Лондон занял наблюдательный и возрастающе враждебный нейтралитет в отношении России. Итогом стал рост русофобских и прошведских настроений, которые остро проявились в аресте и избиении русского посла Матвеева 21 июля 1710 г.¹⁸

Победивших в 1710 г. тори Россия раздражала больше всех, но они были бессильны, пока шла война с Францией. Для них, разделявших абсолютистские настроения, Карл XII был героем, от которого в 1709 г. отвернулась судьба. Завершив в 1713 г. войну за испанское наследство Утрехтским миром, тори предполагали использовать летом 1714 г. французскую и голландскую поддержку для сохранения баланса сил в Европе. Для поддержки Швеции даже послали эскадру, которую, вследствие неожиданной смерти королевы Анны,

вынуждены были перепрофилировать для эскортирования нового короля в Англию¹⁹. А пока, когда после Полтавы Карл XII просил Англию о помощи, та не могла ее оказать. В отместку Карл стал использовать флот, чтобы помешать англо-голландской торговле с русскими. Опасаясь полного разгрома шведов и желая беспрепятственной торговли, Британия некоторое время колебалась между Россией и Швецией²⁰, но в дальнейшем решение Карла обернулось против него. Тогда в Лондоне стремились не допустить расширения военных действий в немецких землях, для чего 20 (31) марта 1710 г. по инициативе Англии, Голландии и Австрии в Гааге был заключен акт о северном нейтралитете. Предусматривалось, что участники Северного союза не будут отзывать свои войска, находившиеся на службе Великого союза и не предпримут наступательных действий против шведского корпуса Крассау. Из-за нежелания Карла XII следовать акту, он не имел никаких реальных последствий²¹.

Оценивая период 1700–1714 гг., надо отметить, что Россия оказалась в выигрыше: Англия и Франция были связаны войной. В этих условиях Британии приходилось много лавировать и хитрить, в общем оставаясь недоброжелательной к России, но сохраняя осторожность из-за торговых интересов и боязни конкуренции в лице Голландии²².

После 1714 г. центральной фигурой, определявшей британскую внешнюю политику, стал Георг I. Для оценки его деятельности нужно учитывать, что Георг долгое время был курфюрстом небольшого не защищенного и лишеного выхода к морю княжества в центральной Германии, население которого исповедовало протестантизм и находилось слишком близко к Франции, постоянно испытывая ее давление²³. Как немецкий правитель Георг разделял идеи экспансии, постоянно желая увеличить свои владения. При занятии английского трона он надеялся на помощь Великобритании и хотел использовать флот страны для удовлетворения своих территориальных притязаний²⁴. Целью Георга были епископства Бремен и Верден, открывающие Ганноверу выход к морю, но принадлежавшие до Северной войны Швеции. Однако его английские подданные желали быть уверенными, что ганноверские и британские интересы будут разделены, а Англию не втянут в войну ради Ганновера²⁵. Впрочем, объективные интересы Великобритании в присоединении Бремена и Вердена к Ганноверу тоже были. Во-первых, эти территории давали прямой выход курфюршеству к морю, что упрощало его защиту; во-вторых, закрепление рек Эльбы и Везера за Ганновером давало существенные преимущества для английской торговли²⁶.

Типичное отношение англичан к Георгу I выразила в свое время леди Мэри Монтегю: «Он не может сказать и слова по-английски и уже не в том возрасте, когда его можно учить. Все наши традиции и законы были для него таинствами, которые он не пытался понять, да и не смог бы, даже если бы постарался»²⁷. В формировании внешней политики Георгу помогали ганноверские министры, привезенные им в Англию и получившие неоднозначную оценку современников и историков. Сперва наиболее влиятельным был опытный администратор и дипломат Берншторфф. Чуть менее авторитетным был его младший соперник Ботмер, представлявший Ганновер при дворе Анны после смерти Софии и быстро вошедший в доверие к викам. Третьим был Жан де Робертон, бежавший из Франции гугенот, частный секретарь Вильгельма III, а после и Георга²⁸. Эти лица оказывали аномально большое влияние на двор, с ними искали знакомства британские политики и иностранные послы. Во внешней политике они обладали большим могуществом, чем нежеле так называемые королевские любовницы – Эренгард Мелусин фон Шуленбург и мадам Кильмансег, которые, как считается, были главными фаворитками короля²⁹.

Вступление на трон Георга I не могло не отразиться на внешней политике Великобритании. Для ее понимания после 1714 г. важно проследить ганноверскую дипломатию с 1700 г. В начале Северной войны Георг занимал прошведскую позицию. Ситуация изменилась к 1712 г., когда, постепенно отойдя от позиции самого верного среди германских правителей друга Карла XII, Георг занял сперва нейтральную, а позже исключительно враждебную позицию в отношении Швеции³⁰. Ганновер оккупировал Верден, в то время как Дания оккупировала Бремен. После возвращения Карла XII из Турции датчане продали это владение Ганноверу, оставив Георга одного противостоять Карлу XII. Говоря о русско-ганноверских отношениях, необходимо отметить, что Георг после Полтавы сперва отказался вступать в новую датско-польско-русскую лигу против Карла XII, но позднее, 23 июня 1710 г., заключил союзный договор с Россией и финансировал датские атаки на шведские земли в пределах Империи³¹.

После 1714 г. дальнейшую дипломатическую деятельность Георга надо рассматривать только в контексте его двойственного положения: как ганноверского курфюрста и монарха Великобритании. Утрехтский мир покончил с британской пассивностью в Северной войне, а личная политика Георга I определила форму и направления внешнеполитической деятельности Великобритании и княжества. Переломным стал 1715 год: если в 1714 г. Георг еще выжидал, балансируя между прошведской партией Герца и экспансионистской Берншторффа, то 4 (15) октября он объявил Швеции войну и двинул войска на Висмар, активно взаимодействуя с союзниками и обещая британскую военно-морскую поддержку³². Для достижения своих целей, Георг развил бурную деятельность, заключив союзы с Пруссией в апреле 1715 г., Данией в мае 1715 г. и Россией (Грейфсвальдский договор от 17 октября 1715 г.), при этом Георг был очень ценным союзником ввиду обладания им мощным британским флотом³³.

По инициативе Георга активизировались русско-английские отношения. В марте 1716 г. по приглашению Берншторффа в Лондон приехал Б.И. Куракин. Дальнейшие переговоры вел Таунсенд, выражавший заинтересованность страны в союзном и торговом договорах. Ожидалось, что вот-вот произойдет обмен гарантиями (захваченные Петром балтийские территории в обмен на признание протестантского престолонаследия в Англии) и заключат договоры³⁴, но известные опасения Англии и разразившееся Мекленбургское дело помешали этому.

Северный кризис 1716–1717 гг., известный так же как Мекленбургское дело, начался с неожиданного решения Петра I отложить 17 сентября 1716 г. запланированную операцию по высадке русско-датского десанта в южную Швецию и перебазирования в связи с этим русских войск на зимовку в Мекленбург. Даже тактически оправданное, это решение сильно встревожило английское и датское правительства, рассматривавшие присутствие русских войск в Мекленбурге как его оккупацию³⁵. Царские войска в Мекленбурге были слишком близки к Ганноверу. Наличие у Берншторффа в герцогстве земельных владений и поместий также способствовало кризису. А желание царя сделать Мекленбург клиентским государством и прорыть канал между Балтийским и Северным морями для прямой торговли с Западной Европой почти ставили крест на надеждах Ганновера получить Бремен и Верден³⁶. Опасения не были беспочвенны. Герцог Мекленбурга Карл-Леопольд желал жениться на дочери царя Ивана – Екатерине Ивановне и Петр, ведя династическую политику, этому не препятствовал. 22 января 1716 г. в Санкт-Петербурге был подписан брачный договор, а 8 апреля в Гданьске сыграли свадьбу и подписали союзный договор с Мекленбургом.

Фактически это был договор о протекторате, предусматривавший размещение десяти русских полков, преференции в торговле, защиту от внешних и внутренних врагов. Мекленбургу был обещан также Висмар или 200 тыс. руб. приданного. Англия и Ганновер не могли не выступить против³⁷. Георг I объявил царя своим пожизненным врагом и стал подтягивать войска к мекленбургской границе. Причиной этих мер был не только страх перед иностранным военным присутствием в имперском государстве и агрессивность Петра I, но и личные амбиции Георга, претендовавшего на исключительное влияние в соседнем герцогстве и готовившегося самому ввести войска, так что русское присутствие было барьером на пути осуществления этих планов³⁸.

В Англии были недовольны ростом контроля России над балтийской торговлей стратегическим военно-морским сырьем. В Лондоне желали не допустить монополию какой-либо державы на эти товары и по возможности передать захваченные Петром порты в руки третьих стран. Опасения подкреплялись ростом русской морской мощи. Итогом стал рост антирусских настроений в Англии, поддерживавшийся как правительством в лице Стенхоупа, так и шведским послом Гилленборгом до ареста³⁹. Можно отметить, что в шумихе Мекленбургского дела Георг не стремился к полному разрыву с царем: его враждебность диктовалась соблюдением собственных интересов. Как показывает инструкция Джозефа Аддисона к Штейру в Париж от 9 июня 1717 г., король был удовлетворен приказом о выводе петровских войск из Мекленбурга и просил того заверить, что у короля никогда не было намерений, могущих причинить вред царю. Говорилось о желательности восстановления личной переписки⁴⁰.

Со Швецией у Великобритании и Георга I также сложились непростые отношения. Неясность перспектив в отношении возможной английской помощи для возвращения шведам их балтийских территорий убедили Гилленборга в стремлении Георга I сохранить Бремен и Верден за собой. При тайном содействии испанцев им было задумано свержение Ганноверской династии, недовольство которой в Англии существовало⁴¹. Интрига была разгадана, что обернулось оскорбительным арестом дипломата ночью 29 января 1717 г. с обыском и высмкой документов. Утром задержали и предполагаемых английских пособников. Для успокоения дипломатического корпуса госсекретрям Стенхоупу и Мэттью пришлось писать объяснительный циркуляр. Вскоре по тому же делу и сходным образом за границей был задержан и другой шведский дипломат, барон Герцц⁴².

Дело Гилленборга, названное «Шведским заговором», стало главной повесткой дня открывшейся сессии парламента. На ней Георг I представил парламентариям копии-переводы активной переписки Гилленборга, его брата Густава и Герца, и выразил надежду в принятии парламентом таких решений, которые помогли бы защититься от врагов. Поднявшийся было в ходе дебатов вопрос о войне со Швецией и о приостановке коммерции постепенно сошел на нет. Запрос Стенхоупом средств для противодействия короны враждебным попыткам вызвал бурные дебаты. Многие вигские парламентарии, как мистер Шиппен, сочли такие запросы неконституционными, другие, как мистер Грэггс, предложили создать антишведский союз с участием Московии. В итоге с перевесом лишь в 4 голоса было принято решение о выделении 900 000 фунтов стерлингов на заявленные цели, но споры продолжались⁴³.

В целом дело Гилленборга оставляет странное впечатление и можно согласиться с Л.А. Никифоровым, утверждавшим, что арест шведского дипломата и вся последующая шумиха нужны были английскому правительству для соответствующей антишведской обработки общественного мнения Великобритании в целях упрочнения своего положения

в условиях распространенного недовольства деятельностью правительства на балтийском направлении. Таким образом, это дело – для внутреннего потребления⁴⁴.

Для понимания деятельности англо-ганноверской дипломатии необходимо знание внутривластных процессов в стране после воцарения Георга I. Приход новой династии сопровождался массовыми отставками торийских политиков, которые, однако, коснулись не всех. Тори сохраняли веру в победу на следующих выборах⁴⁵. По прибытии в Англию Георг I категорически не захотел смешанного правительства и занял сторону вигов, поэтому в новом министерстве, сформированном в сентябре, они преобладали. Пост первого лорда казначейства получил Галифакс, госсекретарями стали Стенхоуп (по южному департаменту) и Тауншенд (по северному)⁴⁶. Но выбор вигов не был простым для Георга, изначально считавшего их «царевубийцами», людьми, которые «хотели заставить короля служить их собственным целям; но он вынужден был признать то, что виги более готовы следовать его ганноверским интересам, нежели их оппоненты»⁴⁷. 1715 год был самым критическим для новой династии в связи с общими выборами в парламент и громким якобитским мятежом, охватившем Шотландию с сентября 1715 по февраль 1716 г.

Судьба Георга висела на волоске, но новый парламент, открывшийся в марте 1715 года и продливший по «Семилетнему акту» срок своих полномочий с трех до семи лет, был преобладающе вигским, а восстание провалилось. Трон Георга I на некоторое время перестал шататься, хотя тайная угроза сохранялась, так же как и тень гражданской войны, витавшая в первые годы его правления. Непокойно было и в стане вигов: в это время их группировка лишилась старых лидеров – Уортона (1715), Соммерса, Галифакса (1716), Годольфина и Мальборо⁴⁸. Лидерами трех основных групп стали Сандерленд, Тауншенд и Аргилл. При этом наиболее сильное соперничество развернулось между Тауншендом и Сандерлендом. Для первого были важны поддержка Уолпола и умение держаться в общинах, что, однако, не помогло ему сохранить поддержку двора. Стенхоуп был дружен со всеми, но не обязан никому, занимая выжидательную позицию. Уолпол с Тауншендом были убеждены в его лояльности к ним⁴⁹.

Однако внешняя политика Георга I вызывала споры даже в среде вигов. Так, например, Тауншенд был обеспокоен внешнеполитическим курсом Георга I по использованию королевского ВМФ для помощи врагам Швеции, хотя Великобритания не была в состоянии войны. Но когда Георг I, покинувший Англию в конце июля 1716 г., был в Ганновере и приблизил к себе Стенхоупа, сопровождавшего короля, голос Тауншенда имел мало веса⁵⁰. Георг не доверял оставшемуся в Великобритании министру. Причиной тому, кроме политических взглядов, были и подозрения Уолпола и Тауншенда в потворстве интригам сына короля – принца Уэльского, оставшегося регентом – против своего отца: из-за долгого отсутствия Георга I встал вопрос о полномочиях регента, которые были сильно ограничены⁵¹. Малейшие признаки заигрывания перед его сыном всегда вызывали у Георга острое недовольство. Одной из отличительных черт Ганноверской династии был постоянный конфликт между старшими и младшими ее членами; но беда была в том, что это противостояние не оставалось частным делом, а приобретало политический характер, так что каждый мог принять в нем участие на той или иной стороне, выбирать которую министрам приходилось тщательно. Вообще, позиция вигов при дворе и их способность влиять на короля зависели от их готовности доверять друг другу. Это вигское министерство, в котором каждый подозревал своего коллегу в интригах с представителями Ганновера за своей спиной, было не сильнее потенциального смешанного вигско-торийского

министерства⁵². А политиков, готовых разыгрывать ганноверскую карту в своих интересах, в вигских рядах оказалось не так уж и мало.

Король, Стенхоуп и Сандерленд обвинили Тауншенда в том, что в нем было мало качеств англичанина, в приверженности торизму и срыве договора с Францией. В декабре 1716 г. его лишили поста госсекретаря и назначили лордом-лейтенантом Ирландии, а в апреле следующего года вообще исключили из министерства. Уолпол, почувствовавший себя в изоляции по вопросам национального долга, ушел сам⁵³. Ситуация усугубилась тем, что вслед за ними в отставку последовали другие министры. Перед королем стояла тяжелая задача: адекватно сформировать правительство, не подвергаясь атакам вновь активизировавшейся оппозиции вигского крыла, что получилось с трудом⁵⁴. Ситуация с отстранением от власти Тауншенда и Уолпола не была однозначной. Георг и его новые министры делали все возможное для примирения с отставниками, хотя и безуспешно. Уолпол, как «дирижер» в палате общин, имел существенный политический вес, что обуславливало его ценность⁵⁵. Примириться, однако, не удалось, а Стенхоупу стоило невероятных трудов сохранить парламентское большинство для короны

В новом правительстве 1717 г. Стенхоуп стал первым лордом казначейства, посты госсекретарей получили Сандерленд (по северному департаменту) и Аддисон (по южному). Во внешней политике Стенхоуп выделял два главных направления: западноевропейское (отношения с Францией и ситуация в Средиземном море) и балтийское (Северная война)⁵⁶. При этом, как показала практика, интересы балтийского направления для удовлетворения ганноверских амбиций часто доминировали над остальными, хотя и не всегда. Важно отметить непростые отношения Стенхоупа с немецкими министрами короля. После удовлетворения своих амбиций в 1717 г., он на время становится открыто враждебным к некоторым немцам в окружении короля. Во второй половине 1718 г., после спада доминирования Берншторффа, именно Стенхоуп постарался объединить все антирусские чувства⁵⁷.

С конца 1716 г. дипломатия Георга I выражалась в основном в ведении переговоров о мире посредством тайных эмиссаров в Швеции, но когда Карл отверг его требования, английскому королю ничего не оставалось, как держать корабли на Балтике и ожидать событий⁵⁸. На рубеже 1716–1717 гг. Георг через Гилленборга предлагал Карлу XII официально уступить Бремен и Верден Ганноверу в обмен на помощь в изгнании русских из Балтики. Фактически это означало союз, но шведов смущали чрезмерные, по их мнению, требования – официальная уступка Ганноверу Бремена и Вердена, возмещение убытков от каперства, отказ от завоевания Норвегии и датских островов, обеспечение безопасности мореплавания и отказ от поддержки якобизма. Шведский король не хотел уступать, и предложения Георга I и его дипломатов ни к чему не привели⁵⁹. После смерти Карла XII муж новой королевы Ульрики Элеоноры – Фридрих Гессенский, советовал ей искать мир с Георгом I и весной 1719 г. Георг получил намек о желательности посредничества⁶⁰. Тогда же Великобритания «более определенно заняла прошведскую и антирусскую позицию.» В то время «как Ганноверские, так и британские министры Георга I считали, что действия царя стали главным фактором, препятствующим установлению спокойствия на севере Европы», Стенхоуп вновь предлагал в обмен на территориальные уступки Швецией своих немецких владений в Померании (Пруссии), Бремене и Вердене (Ганноверу) помочь вернуть ее территории, захваченные в ходе войны с Россией⁶¹. Главной целью Стенхоупа стало согласование условий объединения врагов Швеции с тем, чтобы обезопасить Балтику от русской гегемонии, однако ни одна держава не слушала призывы Стенхоупа к войне с Россией⁶². Георг планировал путем заключения договоров с широким

кругом стран (Империей, Саксонией, Польшей, Францией, Данией, Норвегией) принудить Россию к миру. Никто, однако, не хотел лишить царя выхода к Балтийскому морю. Новый баланс сил предусматривал возвращение Финляндии, Ливонии и как можно большей части Эстляндии Швеции, а за Петром сохраняя Карелию, Ингрию, части Эстляндии⁶³.

Шведы находились перед выбором, с кем заключать мир: с Россией или Ганновером и Великобританией. Петр I и Георг I пытались предложить Швеции условия для заключения договора за счет другого, но в любом случае шведам приходилось выбирать между потерей владений в Германии или на Балтике. Как отмечалось в инструкции к послу в Швеции Картерету от 6 мая 1719 г., для безопасности британских владений и спокойствия христианского мира царь не должен сильно усилиться на Балтике, и для этого шведам предлагалось заключить мирные договоры с датчанами, поляками и пруссаками и единым фронтом потребовать от царя заключения мира на выгодных условиях⁶⁴.

Важным шагом англо-ганноверской дипломатии было заключение 5 января 1719 г. Венского договора, подписанного Карлом VI за Австрию, Августом II за Саксонию и Георгом I за Ганновер. Внешне оборонительный, этот договор был направлен против России, причем самым активным его участником и вдохновителем был ганноверский курфюрст. Формально Англия его игнорировала⁶⁵. Другим направлением политики была Пруссия. Для ее откола от союза с Россией в том же году в Берлин был послан Уитворт. Георг I был готов гарантировать прусскому королю Штеттин в обмен на гарантии Ганноверу Бремена и Вердена, а Англии – протестантской династии. Прусско-ганноверский, прусско-английский, а также прусско-шведский договоры сняли все вопросы между странами, что фактически означало отход Пруссии от союза с Россией, но в целом не принесло Георгу I дивидендов в противостоянии с ней⁶⁶.

11 (22) сентября 1719 г. Швеция уступает Бремен и Верден Ганноверу, попадая в зависимость от Англии и отказываясь от мирных инициатив России. 21 января (1 февраля) 1720 г. Англия окончательно подписывает союзный договор со Швецией, обещая эскадру и субсидии. Впрочем, Великобритания не собиралась сражаться сама за шведские интересы, предпочитая это делать ее новоявленными союзниками⁶⁷. Для усиления своей позиции Великобритания каждую навигацию посылала эскадру адмирала Норриса на Балтику. В основном его миссии носили характер демонстрации мощи, но, несмотря на ряд приказов адмиралу об атаке на русский флот, настоящих вооруженных столкновений не было. Отрезвление Швеции произошло после Гренгама, когда пассивность британского флота стала очевидной. Англичане поняли бесперспективность демонстрации силы перед Россией, а к большому они и не стремились, желая сохранить торговлю на Балтике. В итоге англо-ганноверская политика потерпела полный крах⁶⁸, при этом ее английская составляющая в большей мере, чем ганноверская.

Никакой эффективной помощи Англия Швеции не оказала, а Ништадский мир заключался без британского посредничества, что «было дипломатическим поражением Британии». Лишь Георг I извлек прямую выгоду из этой войны, получив Бремен, Верден и некоторый контроль над администрацией Мекленбурга⁶⁹. Его верному Стенхоупу не повезло дожить до того момента, когда он мог увидеть крушение своих надежд по предотвращению доминирования России на Балтике, а его последние месяцы на посту были омрачены скандалом и неразберихой, вызванной крушением кампании Южных Морей, кризис которой разразился в августе-сентябре 1720 г.⁷⁰. Таким образом, демонстрация военной силы Англией в форме присутствия эскадры адмирала Норриса на Балтике не привела к желаемым результатам, ведь на деле Великобритания «вовсе не собиралась

воевать с таким выгодным торговым партнером, как Россия, и правительство Петра это знало»⁷¹. Как правильно подводит итоги А.Б. Соколов, «можно признать: метод, избранный Стенхоупом и заключавшийся в том, чтобы всячески противодействовать России, но не идти при этом на крайние меры, действительно был неудачным»⁷².

В итоге главным внутривластным результатом деятельности Георга было установление стабильности к концу правления посредством выдвигания единственно выгодов и удаления из политики тори. Главной издержкой этой операции стало отсутствие эффективной оппозиции, затянувшееся на долгие десятилетия⁷³ и дававшее королю свободу маневров. Разгромив тори, виги не стали едиными и разделились, одной из важных причин чему было склонение Георгом I его британских министров к вовлечению Англии в Северную войну, отношение к которой считалось своеобразным тестом на лояльность новой династии⁷⁴.

В споре о характере внешней политики, проводимой Георгом I, трудно сказать, чьи интересы она больше защищала. В тех условиях было много возможностей для их переплетения. Однако очевидно, что в любом случае сам Георг использовал Британию для защиты своего курфюршества⁷⁵, а не наоборот. Да и среднегодовые расходы английского бюджета на содержание посланнических миссий за рубежом при Георге I были самыми высокими в сравнении с его предшественницей и наследником (в его правление тратилось 67 539 фунтов стерлингов в год при 57 390 фунтов во времена Анны и 62 430 при Георге II)⁷⁶. Истина в вопросе где-то посередине.

Подводя итоги, можно утверждать, что вступление Георга I на английский трон в 1714 г. было важнейшим фактором, изменившим внешнеполитический курс Великобритании в Северной войне с нейтрально-наблюдательного на активно-дипломатический. Воспользовавшись внутренней нестабильностью королевства, играя на вигских противоречиях и заручившись поддержкой Стенхоупа, новый монарх активизировал деятельность англо-ганноверской дипломатии на Балтике. Несмотря на неудачу в противодействии России, Георг I смог добиться своей главной цели – удовлетворения ганноверских территориальных амбиций, а Великобритания получила желаемую политическую стабильность.

¹ Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 2.

² Great Britain: The Lion at Home. A Documentary History of Domestic Policy 1689–1973 / Ed. by Joel H. Wiener. New York; London, 1974. Vol. I. P. 35.

³ Speck W.A. Stability and Strife. England, 1714–1760. Cambridge (Mass.), 1977. P. 12.

⁴ Kronenberger L. Kings and Desperate Men: Life in Eighteenth Century England. New York, 1961. P. 11–12.

⁵ Smellie K.B. Great Britain since 1688. Ann Arbor, 1962. P. 25–26.

⁶ Woodward E.I. A History of England. London, 1976. P. 125.

⁷ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London, 1958. P. 52.

⁸ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 147.

⁹ Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 84.

¹⁰ Anderson M.S. Op. cit. P. 52.

¹¹ Harris R.W. England in the Eighteenth Century: A Balanced Constitution and New Horizons. London, 1963. P. 106.

¹² Rothstein A. Peter the Great and Marlborough: Politics and Diplomacy in Converging Wars. London, 1986. P. 41–42.

¹³ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 49.

¹⁴ Молчанов Н.Н. Указ. соч. С. 208–209.

¹⁵ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения... С. 24, 29.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ История Северной войны: 1700–1721 гг. / Отв. Ред. И.И. Ростунов. М., 1987. С. 70.

¹⁸ Anderson M.S. Op. cit. P. 56–61.

¹⁹ Hatton R. George I: Elector and King. Cambridge (Mass.), 1978. P. 119.

²⁰ Harris R.W. Op. cit. P. 107.

²¹ История Северной войны... P. 117.

²² Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. С. 71–72.

²³ Hoppit J. A Land of Liberty? England 1689 – 1727. Oxford, 2002. P. 385–386.

²⁴ Murray J. George I, the Baltic and the Whig Split of 1717. A Study of Diplomacy and Propaganda. London, 1969. P. 4–8.

²⁵ Malcolm-Smith E. British Diplomacy in the Eighteenth Century: 1700–1789. London, 1937. P. 49.

²⁶ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М., 1959. С. 120.

²⁷ English Historical Documents. Vol. X. 1714–1783 / Ed. by D.B. Horn & Mary Ransome. London, 1969. P. 100.

²⁸ Horn D. Great Britain and Europe... P. 8–9.

²⁹ Speck W.A. Op. cit. P. 173.

³⁰ Murray J. Op. cit. P. 57, 75.

³¹ Horn D. Great Britain and Europe... P. 244.

³² Hatton R. Op. cit. P. 185–188.

³³ Speck W.A. Op. cit. P. 187.

³⁴ Молчанов Н.Н. Указ. соч. С. 323–324.

³⁵ Там же. С. 329.

³⁶ Hatton R. Op. cit. P. 189.

³⁷ Молчанов Н.Н. Указ. соч. С. 325–326.

³⁸ Horn D. Great Britain and Europe... P. 204, 246.

³⁹ Anderson M.S. Op. cit. P. 65–69.

⁴⁰ British Diplomatic Instructions 1689–1789. Vol. II. France 1689–1721 / Ed. by L.G. Wickham Legg. London, 1925. P. 115.

⁴¹ Фейгина С.А. Аландский конгресс; Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 154.

⁴² Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. VII. Comprising the Period from the Accession of King George I in August 1714, to the Opening of the Sixth Parliament of Great Britain in October 1722. London, 1811. Col. 393–394.

⁴³ Ibid. Col. 396, 422–423, 435–440.

⁴⁴ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения... С. 149–150.

⁴⁵ Speck W.A. Op. cit. P. 172.

⁴⁶ Hoppit J. Op. cit. P. 389–390.

⁴⁷ Derek J. Op. cit. P. 151–152.

⁴⁸ Ibid. P. 154.

⁴⁹ Plumb J.H. The First Four Georges. London, 1957. P. 44–47.

⁵⁰ Hoppit J. Op. cit. P. 400–401.

⁵¹ Speck W.A. Op. cit. P. 189.

⁵² Derek J. Op. cit. P. 154–155.

⁵³ Hoppit J. Op. cit. P. 400–401.

⁵⁴ Derek J. Op. cit. P. 160–161.

⁵⁵ Hoppit J. Op. cit. P. 194–196.

⁵⁶ Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями?» Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996. С. 48.

- ⁵⁷ *Murray J.* Op. cit. P. 91.
- ⁵⁸ *Chance J.F.* The Northern Question in 1718 // *English Historical Review.* July 1906. Vol. XXI, N 83, P. 460.
- ⁵⁹ *История Северной войны...* С. 144–145.
- ⁶⁰ *Hatton R.* Op. cit. P. 237–238.
- ⁶¹ *Соколов А.Б.* Указ. соч. С. 49.
- ⁶² *Keith F.* A History of England. From the Coming of the English to 1938. New York; London; Toronto, 1951. P. 649.
- ⁶³ *Hatton R.* Op. cit. P. 238.
- ⁶⁴ *British Diplomatic Instructions 1689–1789. Vol. I. Sweden 1689–1727 / Ed. by James Frederick Chance.* London, 1922. P. 112.
- ⁶⁵ *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России... С. 65, 69.
- ⁶⁶ Там же. С. 95–96, 142.
- ⁶⁷ *История Северной войны...* С. 161–162.
- ⁶⁸ Там же. С. 171–172.
- ⁶⁹ *Horn D.* Great Britain and Europe... P. 206.
- ⁷⁰ *Basil W.* The Whig Supremacy, 1714–1760. Oxford, 1942. P. 169.
- ⁷¹ *Кафенгауз Б.Б.* Северная война и Ништадский мир (1700–1721). М.; Л., 1944. С. 59.
- ⁷² *Соколов А.Б.* Указ. соч. С. 51.
- ⁷³ *Horpit J.* Op. cit. P. 383–384.
- ⁷⁴ *Black J.* Eighteenth-Century Britain: 1688–1783. New York, 2001. P. 24.
- ⁷⁵ *Hatton R.* Op. cit. P. 186–187.
- ⁷⁶ *Horn D.B.* The British Diplomatic Service: 1689–1789. Oxford, 1961. P. 81.

Статья принята к печати 5 мая 2007 г.